

Утром снова выдался ясный день. Мо Линъюнь взял из столовой пару паровых булочек, уплетая их на ходу, пока ручной буйвол, заменявший ему средство передвижения, неторопливо вышагивал за пределы трапезной, направляясь к месту утренних занятий. Окружавшие их ученики почтительно приветствовали Мо Линъюня, называя его старшим братом, хотя он всё ещё продолжал жевать булочку, отчего ему становилось жутко неловко.

Сегодня на уроке общей эрудиции вместо прежнего преподавателя пришёл кто-то постарше. Он завёл бесконечную лекцию о высоких материях, растягивая слова, из-за чего многие ученики начали клевать носом. Мо Линъюнь подпёр щеку рукой, делая вид, что внимательно слушает, а сам мыслями давно унёсся за Девять Небес.

Теперь-то он стал официальным учеником секты, значит, мастер наконец должен научить его направлять ци в тело? Вот только интересно, когда именно это произойдёт.

Ох уж эта небесам известная тоска: как же ему надоело таскаться в Зал Боевых Искусств отрабатывать базовые движения и стоять в стойке мабу! Стоять среди кучки коротышек, которые были ниже его на голову, — любой проходящий мимо сразу понял бы, как сильно он выделяется.

Урок подошёл к концу, как обычно. Мо Линъюнь, восседая на буйволе, не спеша возвращался в Зал Линсяо. Помахивая сорванной травинкой и скармливая её брату-быку, он думал о том, взойдут ли вообще те семена, что он посадил на клочке земли позади зала. Будучи уроженцем Южных Земель до мозга костей, он совершенно не разбирался в земледелии северного климата, просто у него вошло в привычку разбивать грядки везде, где бы он ни жил, и здесь руки сами собой сделали то же самое.

Брат-бык переставлял копыта по влажной после дождя земле; еще пара поворотов — и показался бы Зал Линсяо. Время с тихим шелестом падали сосны, удерживающие на иголках скопившиеся капли влаги, и стоило Мо Линъюню протянуть руку, как ладонь тут же стала влажной.

Он поднял голову: солнечный свет лился в самый раз, а чуть дальше, заложив руки за спину, стоял его мастер, вглядываясь вдаль — неизвестно куда. Мо Линъюнь взмахнул рукой и окликнул:

— Учитель!

Услышав зов, Цзин Жун опустил взгляд.

Прошло совсем немного времени, прежде чем Цзин Жун бесшумно оказался рядом с буйволом. Мо Линъюнь прыгнул со спины животного и, ведя его за собой, зашагал вместе с Цзин Жуном вверх по склону. Он чувствовал, что настроение у его мастера сегодня не слишком хорошее, и, возможно, это было связано с тем, что у дяди Нина снова обострилась старая болезнь.

— Учитель, представляете, сегодня новый преподаватель по общим дисциплинам был невероятно суров! — бодрым тоном начал он издалека. За несколько месяцев совместной

жизни Цзин Жун уже привык к тому, что Мо Линъюнь болтает, а он слушает. Кажется, Мо Линъюнь был из тех людей, у которых никогда не бывает плохого настроения, и его заразительный оптимизм всегда легко передавался другим. — А еще семена, которые я разбросал позади зала, — сегодня утром перед утренними занятиями я ходил проверять, они уже дали ростки. Наверное, скоро можно будет собирать урожай.

Мо Линъюнь рассказывал о всяких пустяках всё тем же лёгким тоном, и Цзин Жун невольно разгладил брови, то и дело отзываясь одобрительным хмыканьем в знак того, что внимательно слушает.

Добравшись до Зала Линсяо, Мо Линъюнь похлопал буйвола по спине, давая понять, что брату-быку пора возвращаться в свой хлев. Скосив глаза на Цзин Жун, он заметил, что выражение лица наставника стало намного мягче. Их взгляды встретились, и Цзин Жун произнёс:

— С завтрашнего дня можешь не ходить в Зал Боевых Искусств. Попробуй пока побыть со мной.

— Хорошо, учитель! — Мо Линъюнь резко закивал. О небеса, да он только и ждал этих слов от Цзин Жуна! Неужели с завтрашнего дня он по-настоящему вступит на путь самосовершенствования?

Полмесяца спустя с Пика Цинъюнь дошли вести, что Нин Цин пошёл на поправку, а вскоре пришёл слух, что он отказался от обязанностей лектора и вписал своё имя в реестр Зала Тысячи Дел по части подавления демонов.

Цзин Жун, держа в руках письмо, остался бесстрастным, и по его лицу Мо Линъюнь не мог понять, что творится у него на душе. Лишь спустя довольно долгое время он услышал голос наставника:

— Чжэлань приглашает нас собраться в Зале Чуньлань. Линъюнь, хочешь пойти?

— Раз учитель идет, то и я пойду.

Зал Чуньлань находился на Пике Цинъюнь. Поскольку этот пик объединял целителей и алхимиков, причиной, по которой там приютили ученика-мечника, во многом было слабое здоровье Нина Цина: чем ближе к целителям, тем проще вовремя получить помощь при очередном приступе.

Мо Линъюнь попал в Зал Чуньлань на мече вместе с Цзин Жуном — в конце концов, правила секты гласили, что после достижения стадии Зарождающейся Души адептам разрешено летать на мече внутри обители. Первое впечатление от Зала Чуньлань у него свелось к тому, что здесь царил весна во всей красе: вокруг буйствовала жизнь, а температура воздуха, казалось, была даже выше, чем у них в Зале Линсяо.

Столь уютное и живописное место на самом деле прекрасно гармонировало с характером

самого хозяина. Что же до недуга Нина Цина, по внешнему виду его трудно было заметить: он напоминал весеннюю иву — мягкий и изящный, от него так и веяло жизненной силой.

Возможно, дело было в его духовном корне древесного типа.

И надо же такому случиться: при врождённом пороке сердца даже Даос Цинсюань, глава Пика Цинъюнь, был бессилен.

На этот раз Нин Цин пригласил их отведать миндального чая — поговаривали, что все ингредиенты он собирал и перетирал лично, поэтому и вкус получался совершенно особенным.

Юнь Цзин и Мо Линъюнь усердно пили чай и уплетали сладости, а вот Цзин Жун лишь пригубил чай и сразу опустил чашку, после чего глухим голосом спросил:

— Чжэлань, зачем ты записался в Зал Тысячи Дел?

— Я провёл в затворе внутри секты десять лет, пора бы и наружу выбраться, осмотреться. — Нин Цин, не дрогнув ни единым мускулом, снова наполнил чашку Юнь Цзин.

— Ты действительно хочешь спуститься с гор?

— Да.

Атмосфера между ними вмиг ожесточилась. Юнь Цзин и Мо Линъюнь не смели и пискнуть, отчего молчание в этом по-весеннему тёплом зале стало еще более давящим.

Тишина нарушилась лишь тогда, когда Юнь Цзин подавилась сахарным пирогом и закашлялась. Мо Линъюнь торопливо протянул ей воды, а Нин Цин, сочтя себя виноватым, смягчил выражение лица и, чуть сжав губы, произнёс:

— Я прекрасно понимаю, что делаю, и готов нести ответственность за свои поступки. Старшему брату и младшей сестре не о чем беспокоиться.

Цзин Жун отвёл взгляд и ничего ему не ответил, зато Юнь Цзин тихонько проговорила:

— Старший брат, прошло столько лет, ты всё еще намерен его искать?

— Да. — Нин Цин ответил без тени сомнения. — Десять лет, сто лет, тысяча лет — неважно.

Мо Линъюнь забыл, что именно Цзин Жун сказал следом, но нынешняя встреча явно закончилась на минорной ноте.

Он сопровождал Цзин Жуна на Пике Линсяо, где до полуночи они бродили среди завывания ветра в сосновых кронах. Мо Линъюнь про себя подумал, что на Пике Линсяо и впрямь холоднее, чем на Пике Цинъюнь: всё-таки не зря это самая высокая вершина Горного хребта Сюаньтянь, хорошо хоть — он сам догадался надеть одежды потеплее.

Цзин Жун не ведал ни холода, ни жара. В своих одеждах цвета нефрита и белого шелка, расшитых облачными узорами, среди этих сосен и скал, при залившем всё вокруг лунном свете, он выглядел точь-в-точь как сошедший с небес небожитель.

Глубокой ночью, незадолго до того, как Мо Линъюнь замёрзнет до состояния старой собаки, Цзин Жун нарушил молчание.

Он спросил:

— Линъюнь, неужели эти мирские привязанности и впрямь так важны?

— Это... да кто ж его знает, учитель, — растерялся Мо Линъюнь. С тех пор как он себя помнил, он был волком-одиночкой и не слишком смыслил ни в семейных узах, ни в дружбе. Если уж на то пошло, единственной его привязанностью в этом мире был только собственный мастер.

— Я тоже не понимаю, — Цзин Жун опустил взгляд, словно рассуждая сам с собой.

— Неужели на свете есть что-то, чего учитель не понимает? — Мо Линъюнь склонил голову набок. В его глазах наставник был существом всемогущим и всезнающим, и он никак не ожидал услышать из уст Цзин Жуна признание в собственном незнании.

— Я практикую Путь Бесчувственности, поэтому и впрямь не понимаю, — Цзин Жун не поднимал глаз, и голос его звучал несколько тише обычного. — Не понимаю, почему Чжэлань проявляет такое упорство.

— Наверное, потому что его сердце к чему-то привязано.

— Сердце к чему-то привязано?

— Ну да, узы. Привязанность между людьми и всё такое. Отец и сын — узы, брат и сестра — узы, между кровными родственниками есть узы, между друзьями тоже. Те, кто любят друг друга, связаны узами, и у нас с учителем они тоже есть.

— У нас с тобой?

— Конечно, узы наставника и ученика! Один день учителем — отец на всю жизнь. То, что вы, учитель, мой наставник, никогда не изменится.

— Вот оно как... — Цзин Жун понял всё лишь наполовину. Людей, с которыми он общался за свою жизнь, можно было пересчитать по пальцам одной руки, а тех, чьи имена он запомнил, и вовсе наберётся всего ничего. Самыми близкими для него были разве что его наставник Даос Тяньцюань, младший брат Нин Цин, младшая сестра Юнь Цзин да его собственный ученик — Мо Линъюнь.

Всё это, пожалуй, тоже можно было назвать теми самыми узами, вот только они не шли ни в какое сравнение с упрямством Чжэланя.

Раз Цзин Жун успокоился, Мо Линъюню, разумеется, больше не нужно было мёрзнуть на краю обрыва — хотя, по правде говоря, вовсе не Цзин Жун заставлял его мёрзнуть, он просто сам таскался везде хвостом за наставником.

Но на следующий день Мо Линъюнь, вполне предсказуемо, слёг с лихорадкой.

Медик из Зала Цихуан выписал ему лекарство, а слуга пошёл варить отвар согласно указаниям, оставив у постели больного лишь одного Цзин Жуна.

Мо Линъюнь подумал, что эта температура стоила того: впервые в жизни он увидел в глазах Цзин Жуна эмоцию, которую можно было назвать полной растерянностью.

— Это из-за меня...

— Да всё в порядке, учитель, я в полном здравии, — перебил его Мо Линъюнь. — Вы не смотрите, что я сейчас такой, вот погодите, я сейчас... — Апчи!

Сел в лужу Мо-мо нагляднейшим образом и с неловкой улыбкой пояснил:

— Клянусь, всё хорошо...

— Это я недоглядел.

Цзин Жун дождался, пока Мо Линъюнь выпьет лекарство, и лишь после этого поспешно вышел по другим делам. Стоило ему удалиться, как в комнату с нехитрой снедью навестить больного заявила Юнь Цзин.

Юнь Цзин никак не ожидала, что станет сиделкой приболевшего ученика племянника. Изначально она просто хотела найти кого-нибудь, с кем можно было бы поболтать, но раз уж Мо Линъюнь лежит пластом, слушать её болтовню он вполне мог и в таком положении.

— Старший брат Нин спустился с гор изгонять демонов, как же мне скучно на Пике Цинъюнь, — вздохнула Юнь Цзин. — Кстати, племянник, ты же выглядишь таким здоровяком, с чего это вдруг слёг?

— Маленькая тетушка, а вы попробуйте пол-ночи простоять на ветру на вершине пика Линсяо?

— Ничего себе ты смельчак!

— ...Да ну это всё, — поперхнулся Мо Линъюнь и сменил тему: — Разве дядя Нин не слишком быстро сорвался с гор?

— А то! С его-то уровнем допуска у него огромный выбор заданий, — Юнь Цзин смачно причмокнула губами.

— А это изгнание демонов — оно обязательно для всех учеников? — Мо Линъюнь вспомнил их первую встречу с Цзин Жун, которая, кажется, тоже произошла из-за того, что наставник отправился истреблять нечисть на Южные Земли.

— Нет, это по желанию. Ученики выше стадии Закладки Основания, кому интересна охота на демонов, могут записаться в Зал Тысячи Дел. Заданий там полно, уровень сложности можно выбрать самому, и объединяться с соучениками в группы не запрещено, правда, и награды потом будут разными.

— Изгнание демонов — это значит просто убивать их?

— Не совсем. Все демоны, чьи имена числятся в Зале Тысячи Дел, успели натворить дел среди смертных.

— И что с ними делают? — продолжил допытываться Мо Линъюнь.

— Тех, кто провинился не сильно, запирают в Пагоде Подавления Демонов, — небрежно бросила Юнь Цзин.

— А закоренившихся злодеев?

— Упокаивают на месте.

— ...? — Довольно решительно, прямо под стать настоящим адептам.

— Кстати, в охоте на демонов есть рейтинг по очкам, — внезапно понизив голос, продолжила Юнь Цзин. — Первое место в нём сейчас занимает дядя Цинь, Цинь Уцзянь, которого ты еще не видел. Стоит демонам услышать его имя, как их до сих пор в дрожь бросает.

— М? — Мо Линъюнь оживился.

Но стоило ему заинтересоваться, как Юнь Цзин тут же выдала:

— Вот спустишься с гор, и если какая-нибудь тварь посмеет тебя обидеть, ты просто рывкни: я — Цинь Уцзянь из Секты Сюаньтянь! Тогда они точно не посмеют к тебе лезть.

— Маленькая тетушка, вы это серьезно? — Мо Линъюнь замялся, не зная, смеяться или плакать.

— Разумеется, — с самым невозмутимым видом подтвердила Юнь Цзин.

— Мне почему-то кажется, что вы меня обманываете...

В пустых разговорах обо всём на свете пролетело всё утро. Время шло быстро: они как раз переключились с обсуждения Пагоды Подавления Демонов на то, в какой лавке самые вкусные пирожные, как появился мальчик-слуга с обедом и лекарством, передав заодно наказ Цзин Жуна: пить больше горячей воды и поменьше разговаривать, это вредно для горла.

Оба болтуна, протрещавших всё утро, в один миг умолкли. Как же они могли забыть про невероятную силу Даоса Зарождающейся Души, который способен ясно услышать трепет даже одинокого цветка или листка за тысячу ли отсюда?

— Я ничего такого не говорила, старший брат, ты всё не так понял! — принялась бормотать себе под нос Юнь Цзин.

Мо Линъюнь послушно выпил лекарство и предпочл хранить молчание. Судя по характеру Цзин Жуна, он вовсе не собирался подслушивать чужие разговоры. Наверняка просто беспокоился, что Мо Линъюнь останется один, и оставил здесь крупницу духовного сознания; даже если он и уловил что-то из их беседы, то в худшем случае застал лишь самое начало, так что всё, сказанное Юнь Цзин после, он гарантированно пропустил мимо ушей.

Но раз мастер велел беречь голос, пожалуй, не стоит рассказывать об этом маленькой тетушке. Подумав так, Мо Линъюнь сделал еще глоток горьковатого отвара.

Когда Цзин Жун на исходе дня вернулся с наступлением сумерек, Мо Линъюнь как раз кормил брата-быка. Здоровье у него было отменное, да и к тому же он только-только ступил на путь самосовершенствования, так что после приёма лекарств и долгого отдыха он почти полностью выздоровел.

Наблюдая за тем, как парень кормит животное, Цзин Жун дождался окончания трапезы и лишь тогда спросил:

— Линъюнь, какую стезю самосовершенствования ты бы хотел выбрать?

Раз уж Мо Линъюнь взял его в наставники, ему неминуемо предстояло стать мечником, но

владение мечом тоже делилось на несколько различных путей.

Например, существовало разделение на тяжёлые и гибкие мечи, а также два главных направления для меченосцев: Путь Бесчувственности и Путь Сяояо.

— Похоже, никакой особенной, — Мо Линъюнь отряхнул руки от прилипшей земли и, сполоснув их, подошёл поближе к Цзин Жону.

— Тогда даю тебе три дня на раздумья, — Цзин Жун протянул ему нефритовую бирку. — Это пропуск в Павильон Свитков. Можешь почитать то, что записано в книгах, сопоставить это с собственными ощущениями и хорошенько подумать, по какому пути ты хочешь пойти.

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/20174/2009552>